

Глава 1

После преждевременного отъезда генерала меня лихорадило еще неделю. В голове крутилась только одна мысль: я должна выбраться отсюда, сбежать. Куда угодно, лишь бы до того, как он вернется. Не знаю, чего я боялась. Того, что Шелтер вернется и исполнит свою угрозу? Да, это определенно пугало. Но терзало и то, что угроза окажется пустышкой, а мне будет стыдно смотреть Шелтеру в глаза. Ведь моих жестоких слов не вернуть и не исправить, генерал уехал с ними.

Еще я боялась, что он привезет с собой какую-нибудь другую девушку, которая окажется смелее и ласковее, и мне придется смотреть на них каждый день, как госпожа Холт была вынуждена смотреть на нас.

Но больше всего меня пугало, что он не вернется. Не потому, что моя судьба в таком случае снова станет туманна, ведь Магистр может и не удовлетворить его последнюю волю (если она действительно была изложена). Как жить, зная, что мужчина, в которого ты успела влюбиться, на прощание услышал от тебя лишь пожелание смерти? Впрочем, от этого ужаса меня не спас бы и побег: куда ни беги, а о гибели генерала Шелтера рано или поздно узнаешь.

Порой мне казалось, что навязчивый совет сбежать я слышу и в шепоте ветра. Но этот шепот был настолько тих, что я и сама понимала: это все игра моего воображения.

Следующие две недели я отчаянно искала варианты, стараясь вести себя как обычно и ни у кого не вызывать подозрений.

Моя жизнь за это время почти не изменилась. Разве что госпожа Холт теперь вела себя так, словно меня не существует. Впрочем, если она слышала что-то из нашей перепалки с генералом на террасе или он успел ей рассказать о ссоре перед отъездом, то ее поведение я вполне могла понять, учитывая отношение к Шелтеру.

В остальном все было по-прежнему: я помогала в саду господину Юнту, Галия позволяла мне экспериментировать на кухне и заодно обучала премудростям кулинарии, о которых я была не в курсе, с Марией мы порой болтали о всяких пустяках, а Глен продолжал доставать меня двусмысленными замечаниями и намеками. Впрочем, вскоре я окончательно убедилась в том, что он неприятный балабол, но на самом деле совершенно не опасен.

С дворецким мои отношения оставались ровными, а камердинер генерала и вовсе нас покинул, едва в его услугах перестали нуждаться. Как оказалось, он жил здесь только тогда, когда Шелтер приезжал в отпуск. В остальное время наведывался раз в неделю или две, чтобы проветрить гардероб и проверить, все ли в порядке.

Тревожил меня лишь господин Нейб. Он продолжал смотреть в мою сторону с недовольством каждый раз, когда мы пересекались. Порой ни с того ни с сего начинал расспрашивать об Оринграде и моей семье,

но всегда выглядел неудовлетворенным ответами, хотя я говорила чистую правду. Однажды даже спросил: хотела бы я вернуться домой? На что я честно ответила, что теперь уже нет. Я бы даже объяснила ему, почему так, но он только недобро прищурился и поковылял прочь.

Вариант возвращения домой я действительно больше не рассматривала. Одинаково противно было думать и о том, какое отношение ко мне будет после столь долгого отсутствия, и о том, что придется сделать, чтобы вернуть себе доброе имя. Нет уж, в Оринград я возвращаться не хотела. Даже ради могилы матери.

Бежать и прятаться на территории Варнайского Магистрата тоже не имело смысла: все равно рано или поздно найдут, а наказания для беглых рабов тут были суровыми.

Зато я узнала, что на северо-западе Магистрат граничит с Замбиром — крупным государством, которое еще пять лет назад остановило его расширение в своем направлении. Об этом мне как-то рассказала Галия: ее муж тоже служил в армии и погиб как раз в той кампании.

— Не покорился Замбир Варнаю, — со вздохом сказала она как-то, когда мы вместе попивали шоколад на ночь глядя. — Много наших полегло. Генерал Шелтер, тогда еще полковник Шелтер, тоже ранен был, но выкарабкался. Он вообще живучий, как говорят, но на то он и маг. В итоге пришлось отступить и заключить с Замбиром мир. Многие были недовольны Магистром, а еще больше недовольство вспыхнуло, когда он в новую драку ввязался, уже южнее. Но тогда все выгорело, и голоса недовольных стихли. А с Замбиром с тех пор у Варная отношения напряжен-

ные, туда порой сбегают те, кто вызвал недовольство Магистра, но успел унести ноги.

Едва Галия закончила рассказ, я подумала: раз Замбир принимает тех, кто скрывается от Магистра, то может принять и меня.

К тому времени я знала достаточно. Несколько раз сопровождала Галию, когда Мэл возил ее за покупками в ближайший городок, а потому начала ориентироваться в окрестностях. От камердинера генерала я знала, что он уезжает к дочери, которая потеряла мужа в одной из войн Магистрата, держит лавку и воспитывает троих детей. Когда в его услугах не нуждаются каждый день, он помогает ей. Живет она довольно далеко, но поезд довозит туда за два часа. От дома Шелтера до станции на повозке можно доехать за сорок минут, а вот идти пешком... Пешком идти можно весь день. Или всю ночь. Зато поезда везут до самой границы Магистрата.

План не был хорош. Я не знала, смогу ли пересечь границу. Разберусь ли в маршрутах поездов. Примут ли меня в Замбуре, дадут ли свободу или я просто сменю одно рабство на другое. А главное — смогу ли я вообще одолеть дорогу до станции, не собьюсь ли с пути, не упаду ли от усталости. Но что-то внутри велело бежать как можно дальше от этого места — и я не смела послушаться.

Требовалось срочно решить одну проблему: найти денег на поездку. После долгих колебаний я все же решила взять с собой подаренное Шелтером кольцо, оно наверняка пригодится. Но продать или заложить его я смогу не раньше Замбира. А для покупки билета на поезд требовались деньги. Да и билет мог понадобиться не один.

Помочь мне могла только Анна Кроули, если с ней все хорошо. Через пару дней я набралась смелости и спросила Нейба, могу ли написать письмо домой.

— Зачем? — холодно поинтересовался он в ответ.

— Узнать, все ли в порядке у моего отца, — выдала я заготовленную ложь. — Теперь, когда некому работать в нашем кафе, он наверняка нуждается. Я вела все хозяйство дома, откладывала деньги на дурной день. У меня не было возможности сказать ему, где они лежат. Я хотела бы убедиться, что он нашел их.

— Тебя только сейчас это взволновало? — делано удивился Нейб.

На самом деле меня этот вопрос совсем не волновал, потому что отец всегда контролировал доходы от работы шоколадницы и прекрасно знал, куда я складываю накопления. Я прятала только то, что откладывала на возможный отъезд, но там скопилось совсем мало: мне редко удавалось сэкономить на чем-то так, чтобы отец не узнал. Именно об этих деньгах я собиралась попросить госпожу Кроули: она могла достать их и переслать мне, и оставалось надеяться, что я смогу обменять их на местные.

— Я только сейчас решила попросить разрешения написать, — глядя в пол, соврала я, надеясь, что Нейб не настолько проницателен, как Шелтер.

Управляющий откинулся на спинку кресла (я потревожила его в рабочем кабинете), помолчал и неожиданно согласился:

— Хорошо, пиши. Только имей в виду, что я прочитаю письмо. И прочитаю ответ.

Мне с трудом удалось скрыть разочарование. Чтобы не вызывать лишних подозрений, письмо я все же написала, но денег, конечно, просить не стала. Просто написала Анне, где лежит припрятанное, и попросила

ее позаботиться об отце. По крайней мере, он будет знать, что я жива. Если, конечно, для него это все еще важно. Его едва ли обрадует новость о том, что я живу в доме варнайского офицера. Возможно, для него это будет хуже, чем известие о моей кончине. Он никогда не поверит, что я тут за цветами ухаживаю.

После провала задумки с письмом на меня снова навалилась апатия, руки опустились, и решимость бежать ослабла. Просить денег у кого-то в доме генерала я не осмелилась. Достаточно близка я была лишь с Галией и господином Юнтом, но они оба очень уважительно относились к Шелтеру, а потому едва ли станут помогать бежать его рабыне.

И я снова предпочла спрятаться в повседневной рутине. Как прежде находила причины не уезжать из Оринграда, так теперь убедила себя, что мне не бежать из дома генерала Шелтера. О котором я думала чуть чаще, чем постоянно. Даже во сне.

В тот день, примерно два месяца спустя после отъезда генерала, я снова думала о нем. О том, что скажу, когда снова увижу его. И о том, успею ли я что-то сказать. Даже пропальвание сорняков не спасало от постоянного мысленного диалога, который я с ним вела, пытаюсь предугадать его реакцию. Конечно, глупо было надеяться, что мне это удастся, но я просто не могла остановиться.

В какой-то момент мне стало не по себе. Кожа начала зудеть, как бывало, когда ее опалит солнце, но пик жары уже миновал. Нечто похожее я пару раз испытывала под взглядом Шелтера, поэтому торопливо вскинула голову, ища его глазами, однако нашла лишь управляющего. Он стоял далеко, на террасе, сложив ладони на ручке трости, но смотрел точно на меня. Пронзительно, неотрывно.

Порыв ветра, подхвативший мои волосы и бросивший их в лицо, принес тихий и шелестящий, но на этот раз очень внятный приказ. Всего два слова: «Беги отсюда».

Несмотря на то что ветер был теплым, а солнце хоть и стало мягким, но все еще усердно согревало землю, у меня мороз пробежал по коже. На несколько секунд наши с Нейбом взгляды встретились, после чего управляющий медленно развернулся и скрылся в доме. А я еще долго сидела, замерев в одной позе и глядя туда, где он только что стоял.

* * *

Такого не происходило никогда. Раньше ветер лишь утешал, обещая. Сегодня он впервые сказал, что нужно делать. К тому же сообщив, что мне нужно бежать, после паузы уточнил, что сделать это надо сегодня же, не оставаться в особняке на ночь. Я ничего не понимала, но меня охватил страх вперемешку с дурным предчувствием. Оба на два голоса орали в голове, что я сегодня же должна уйти. Пусть даже и в пустоту.

В пустоту идти не хотелось, поэтому пришлось вернуться к оставленному из-за отсутствия денег плану. Но отчаяние рождает в голове отчаянные мысли. И если мне негде было попросить денег, то оставалось только одно: взять их самой.

От одной мысли мне стало не по себе. «Не бери чужого» — одна из главных заповедей Тмара, а я собралась ее нарушить. Однако другого выхода я не видела, а потому убедила себя, что лишь возьму в долг. Пришлю Шелтеру деньги, как только они у меня появятся. Возможно, однажды даже смогу вер-

нуть подаренное кольцо, хотя взять с собой подарок — это не совсем воровство.

Еще неделю назад я впервые предложила Марии помощь в уборке дома. Мне давно казалось странным, что Юнту и Галии я помогаю регулярно, а ей ни разу даже не предлагала, хотя мы уже преодолели неловкий момент, когда она считала меня своей госпожой и даже перешли на «ты». Судя по тому, как ее вдохновило мое предложение, она и сама подумывала о творящейся несправедливости.

Проведя для меня краткий инструктаж, она объяснила, в каком порядке убирает комнаты в доме.

— Только, сама понимаешь, в комнаты генерала Шелтера и господина Нейба пустить тебя не могу, но здесь хватает гостевых спален и гостиных, где мы могли бы убираться вместе.

Тогда меня это вполне устроило: прикоснуться к вещам генерала как-то не хотелось. И уж тем более появляться там, где можно лишний раз повстречаться с Нейбом. Но Марии все равно пришлось показать, которые из комнат принадлежат хозяину дома и его управляющему, дабы я держалась от них подальше. И сейчас это было очень кстати.

Очнувшись от ступора, когда шепот окончательно стих, я извинилась перед Юнтом, невнятно пробормотав что-то о своей забывчивости. Мол, обещала помочь Марии с уборкой, но засиделась на солнышке. Старик, конечно, не стал меня задерживать.

Сегодня Мария не убиралась в комнате Шелтера, это я точно знала, а никому другому в отсутствие генерала заходить в его комнату в голову не придет. По крайней мере, я на это очень надеялась, но на всякий случай взяла с собой все необходимое для уборки, чтобы хоть как-то объяснить свое присутствие там.

Оказавшись на пороге личной комнаты генерала Шелтера, я ощутила почти такое же волнение, как в тот раз, когда он впервые взял меня на руки. Было так же страшно и так же любопытно. Я в последний раз бросила взгляд на пустой коридор, оставшийся позади, и скользнула внутрь, надежно закрыв за собой дверь. Сердце испуганно колотилось в груди, его стук отдавался в ушах, но я постоянно напоминала себе, что все продумала, а значит, волноваться не о чем. Кроме странного приказа ветра, который не сулил мне ничего хорошего, если я останусь в доме.

Комната генерала была подозрительно похожа на мою, что на самом деле было не так уж удивительно: она находилась точно над ней, в том же углу, но на третьем этаже, а потому была такого же размера и формы. Те же два окна и глухой темный угол, в котором стояла кровать. Интерьер тоже был выдержан в похожем стиле. Пожалуй, основное отличие состояло в том, что книги на полках не перемежались вазочками с цветами и статуэтками. Для них просто не оставалось места. Да письменный стол выглядел куда более часто используемым. Сейчас на нем, конечно, царил абсолютный порядок, но все равно на поверхности лежали письменные принадлежности, стопка писчей бумаги, какая-то толстая книга в кожаном переплете.

С изогнутой настольной лампы на металлической цепочке свисал плоский, начищенный до блеска, но заметно погнутый медальон в виде тонкой пластины со скругленными краями. Почему-то именно он первым привлек мое внимание. Я не сразу вспомнила, где уже видела такое, а когда вспомнила, произвольно поежилась. После нападения по пути в Сиран капитан Моран снимал такие медальоны с погибших

солдат, пока им рыли могилы. Значит, у офицеров тоже такие есть? Хотя если бы этот принадлежал Шелтеру, то он, наверное, был бы на нем?

Я подошла ближе и коснулась пальцами холодного метала. Не снимая с лампы, повернула так, чтобы прочитать выбитые символы, но лишь разочарованно вздохнула. Я ожидала увидеть на жетоне имя, но тут стояли только цифры и черточки.

Может быть, медальон принадлежал какому-то важному для генерала человеку? Но кто бы это мог быть? Друг? Брат? Или это все-таки его медальон, но, например, старый? Интересно, мог ли генерал когда-то быть рядовым? И потом сменить солдатский номер на офицерский? Было ужасно любопытно и становилось очень грустно от мысли, что мне уже не расспросить Шелтера, удобно устроившись на ступеньках террасы с бокалом вина и провожая взглядом садящееся за горизонт солнце.

Я отпустила пластину, напомним себе, что медлить и задерживаться в комнате хозяина дома не стоит: это повышает риск быть пойманной. Нужно поскорее найти немного денег и убраться отсюда.

Дернув на себя первый же ящик стола, я едва не застонала от досады: он оказался заперт. Если в этой комнате и лежат деньги, то в нем. И все же я принялась осматривать остальные пять в надежде найти хотя бы какую-то незначительную мелочь.

Дойдя до среднего ящика с другой стороны стола, снова замерла, недоуменно глядя на его содержимое. Здесь лежали какие-то связки писем, но не они привлекли мое внимание. А игрушка. По крайней мере, сначала мне показалось, что это игрушка: пестрая, хоть и поблекшая от времени птичка. Чтобы убедиться в реальности предмета, я коснулась кончика-

ми пальцев шершавых боков: птичка была сделала из глины. Я достала ее и покрутила в руках.

Вещица была старой и простой. Не лишенной изящества, но едва ли дорогой. При ближайшем рассмотрении под хвостом обнаружилась маленькая трубка, а на тельце — три отверстия. Повинуясь секундному порыву, я поднесла трубку к губам и дунула в нее. Из широко раскрытого клюва вырвался смутно знакомый звук. Да, я слышала нечто подобное уже пару раз и назвала «пением ветра в трубах». Так вот на чем были сыграны те мелодии! Неужели их играл Шелтер? На этой нелепой птичке?

Сложно было представить генерала, играющего на таком странном инструменте, но если он делал это, сидя у открытого окна, то я вполне могла слышать мелодию в своей комнате.

Сразу вспомнилось, как я слушала «пение ветра» в вечер после нашей поездки по окрестностям имения. Тогда мне казалось, что призрачная мелодия звучит для меня. Возможно ли, что так и было?

Но если так, то именно в тот день все было правдой. Не мог Шелтер знать, что я слушаю. Как не имело для него смысла играть, соблазняя меня, если я даже не знала, что играл он. Он играл для себя, просто то, что он чувствовал в тот момент, оказалось созвучно моим ощущениям.

На мгновение это поколебало мою уверенность. Ведь если сбегу и доберусь до Замбира, то больше его никогда не увижу, никогда с ним не поговорю. Не смогу извиниться за брошенные на эмоциях слова. Не услышу его объяснений. Никогда больше не окажусь в его объятиях и не смогу обнять сама. Это будет навсегда.

Но момент сомнения прошел. Теперь уже не имело значения, что чувствовал он и о чем мечтала я. Если останусь в доме еще хотя бы на одну ночь, случится что-то страшное. Ветер не стал бы предупреждать зря. А генерал сейчас далеко и уже меня не защитит. Если вообще когда-нибудь захочет видеть.

И все-таки интересно, откуда у него такая птичка и что она значит? Как-то не вязался его образ с подобным музыкальным инструментом (как и с музыкальными инструментами вообще). Судя по возрасту вещицы, она вполне могла храниться у него несколько десятилетий. Игрушка из детства? Но у меня сложилось впечатление, что Шелтер ненавидит свое детство. Тогда зачем хранит о нем память?

Тихое клацанье поворачивающейся дверной ручки за спиной едва не заставило меня выронить птичку, зато от строгого голоса Нейба я почти подпрыгнула на месте:

— Что ты здесь делаешь?

* * *

Той секунды, что прошла между клацаньем и вопросом, мне хватило, чтобы коленом задвинуть ящик стола. Положить на место птичку я, конечно, не успела, но мне удалось не выронить ее из рук, а осторожно положить на стол и отодвинуть подальше. Только после этого я повернулась к управляющему и выпалила:

— Убираюсь.

Керам Нейб окинул меня пристальным взглядом с ног до головы, перевел его на ведро с тряпками и метелками, пальцы его сжались вокруг ручки трости. Он шагнул вперед, и мне оставалось только пожалеть, что пятиться некуда.

— Неужели? И с каких пор ты у нас работаешь вместо Марии? Что ты искала в столе?

— Ничего!

Мне не хватило решимости выдержать его взгляд, я опустила глаза в пол, чувствуя, как шею и лицо охватывает пожаром.

Я пропала! Ну откуда он тут взялся? Зачем пошел в пустую комнату генерала? Почему именно сейчас? Почему именно он?

— Знаешь, *милая*, — процедил Нейб, передразнивая манеру Шелтера и неумолимо приближаясь с каждым новым словом, — ты мне с самого начала не нравишься. Твой невинный вид, мнимая скромность и честные глаза, возможно, кружат голову генералу, но не мне. Отвечай, что ты здесь делаешь, иначе, клянусь всеми богами, пожалеешь, что сюда пришла.

На последнем слове он угрожающе навис надо мной, и я всерьез задумалась, смогу ли убежать, если выбью трость у него из рук. Но он мог успеть меня схватить, поэтому я не решилась.

— Мира? Господин Нейб? Что здесь происходит?

Еще никогда я не была так рада видеть Арру Холт! Не знаю, откуда и куда она шла, но ее, видимо, привлекли наши голоса, поэтому теперь она стояла на пороге комнаты, очень прямая, в строгом черном платье ниже колена и с собранными в пучок волосами. Экономка хмурилась, но по ее виду было абсолютно непонятно, кто именно вызывал ее недовольство. Моя радость моментально угасла, когда я поняла, что ее появление может не то что не спасти меня, а только усугубить мое положение.

— О, вы кстати, госпожа Холт, — хмыкнул Нейб, полуоборачиваясь к ней. — Скажите-ка, давно ли госпожа Торн выполняет у нас функции горничной?

— Примерно с неделю, — спокойно сообщила экономка, из-за чего ухмылка на лице Нейба слегка померкла. — Мария сообщала мне, что она вызвалась помогать и ей тоже. А в чем дело? Мира уже помогает садовнику и кухарке, почему бы ей не помогать и горничной? Генерал Шелтер не оставлял каких-либо ограничивающих распоряжений на этот счет. Сказал, что его гостя вольна выбирать себе занятие по вкусу.

Было так странно слышать, что Холт все еще называет меня «гостьей» Шелтера.

Нейб недобро прищурился. Снова повернулся ко мне, скользнул взглядом по платью, задержал его на карманах.

— А вы уверены, что ее можно допускать к уборке комнаты хозяина? Учитывая все обстоятельства...

— Нет, и она не должна была ее убирать, — поспешно согласилась Холт. — Мария показывала ей комнаты, с уборкой которых она может помогать. Я полагаю, что Мира просто перепутала.

Сердце, почти замершее от страха, радостно подпрыгнуло в груди. Уж не знаю почему, но экономка сегодня была на моей стороне. А это оставляло мне шанс выбраться из ситуации без потерь.

— Да неужели? — снова оскалился Нейб.

— Именно так, — выдавила я. — Я редко бываю на третьем этаже, слегка заблудилась.

— Это довольно странно, учитывая, что второй этаж, на котором ты живешь, точно такой же.

— Кто из нас не ошибается на новом месте, господин Нейб? — чуть повысив голос, спросила госпожа Холт. — Уверена, генерал Шелтер простил бы Мире столь мелкую оплошность. К тому же она ничего не

успела испортить. Как я понимаю, даже не успела начать убираться.

Госпожа Холт выразительно посмотрела на нетрутовое ведро, а я судорожно закивала.

Однако на управляющего наши слова не произвели впечатления. Правда, ведро тоже привлекло его внимание. Придирчиво поворошив тростью сложенные в него предметы и, очевидно, не найдя ничего криминального, он снова обратил свой взор на меня.

— Выверни-ка карманы.

Я торопливо засунула дрожащие руки в карманы и вывернула их, как он велел. Они, конечно, оказались пусты, но господин Нейб почему-то не выглядел удовлетворенным этим фактом. Все так же недовольно щурясь, он наклонился ко мне, к самому моему уху, и тихо прошептал:

— Я все равно доберусь до тебя, *милая*. Попомни мое слово. Еще пожалеешь, что появилась в этом доме.

— Господин Нейб, у вас есть другие вопросы к Мире или ко мне? — снова подала голос госпожа Холт.

— Пока нет, — громко ответил управляющий, отшатнувшись от меня.

Он повернулся и направился обратно к двери, тяжело опираясь на трость. У порога замешкался, пытаясь разминуться с экономкой, но в итоге все равно задержался, когда та его уже почти пропустила. Его взгляд, такой же недоверчивый и недовольный, теперь вперился в нее.

— Присматривайте за ней, Арра. Как следует присматривайте.

— Как скажете, господин Нейб, — отозвалась Холт, ни на секунду не отведя взгляда от его глаз. Я искренне позавидовала такой невозмутимости.

Нейб бросил на меня последний взгляд и вышел, стук его трости постепенно затих. Только тогда я смогла выдохнуть. И вместе с воздухом из меня едва не вышли все силы, ноги заметно ослабли, пришлось схватиться за край стола, чтобы не свалиться на пол.

— Мира? — окликнула меня экономка.

Она осталась стоять на пороге, но недовольство на ее лице сменилось озабоченностью. В голосе мне послышались тревожные нотки. Вот бы никогда не подумала, что госпожа Холт может переживать за меня.

— Все в порядке?

— Да, — завершила я. — Испугалась немного, но сейчас пройдет.

— Лучше тебе покинуть эту комнату и сегодня заняться чем-то другим, не уборкой, — велела Холт уже строже. — Ясно?

— Предельно, — кивнула я.

Подхватив ведро, я торопливо направилась к двери, стараясь не смотреть на экономку, чем, вероятно, и вызвала новый приступ подозрений. Арра Холт неожиданно выставила руку, хватаясь за дверной косяк и преграждая мне путь.

— Мира, — позвала она вкрадчиво. Не так угрожающе, как Нейб, но мурашки по коже у меня все равно побежали. — Ты ведь не замышляешь ничего такого, что могло бы повредить генералу Шелтеру?

Сердце пропустило удар, и я с трудом сглотнула вставший в горле ком. Заставила себя повернуть голову и посмотреть на экономку, прямо ей в глаза.

— Я не желаю зла господину генералу, — заверила я.

Поскольку это было чистой правдой, Холт удовлетворенно кивнула и опустила руку.

— Тогда иди к себе. Лучше тебе сегодня пересидеть в своей комнате. Иначе господин Нейб будет цепляться к тебе по поводу и без. Ведро только в чулан обратно отнеси.

Я кивнула и поторопилась прочь. Услышав, как закрылась позади дверь комнаты Шелтера, стиснула зубы, пытаясь удержать внутри некстати навернувшиеся на глаза слезы.

Теперь стало окончательно понятно, что денег мне не достать и придется бежать без них. Если после указания ветра у меня оставались какие-то сомнения, то теперь все стало очевидно и недвусмысленно: угроза исходит от Керама Нейба и задерживаться в доме генерала мне нельзя. Даже на одну ночь.

Глава 2

Когда на улице начало темнеть, моя решимость снова ослабла. Остаток вечера я провела в своей комнате, то судорожно отбирая вещи, без которых нельзя бежать, то неподвижно сидя на подоконнике и глядя в окно. Я старалась думать о том, что и как делать дальше, но мысли упорно крутились вокруг птички-флейты, найденной в столе Шелтера. И вокруг самого генерала.

Уйти или остаться — вопрос снова стал вопросом, когда приблизился час предполагаемого побега. Что опаснее: отправиться сквозь ночь к станции, не имея при себе ни денег, ни документов, и попытаться сесть на поезд? Или остаться, дожидаясь, когда Керам Нейб доберется до меня и заставит пожалеть, что я здесь появилась? Ветер определенно считал, что второе. Когда я открыла окно, чтобы глотнуть вечернего воздуха, его порыв вновь донес до меня панический приказ: «Беги немедленно, беги сегодня! Не оставайся на ночь в доме».

И эта уверенность ветра качнула чашу весов в сторону побега. Ведь прежние предсказания сбылись. Может быть, во мне и правда есть капля крови тех могущественных шептуний? Ее не хватает для во-

рожбы, но достаточно, чтобы кто-то там, далеко, пытался меня защитить и направить?

После возвращения на кухню подноса из-под ужи-на меня обычно никто уже не тревожил. Оставалось надеяться, что Галию не удивит мой внезапный аппетит: в этот раз я «съела» все до последней булочки и пирожка, чего обычно не случалось. Вернувшись в комнату, я все же достала из-под кровати полу-собранный чемодан и добавила туда самые необходимые вещи. Чемодан намеренно взяла маленький, понимая, что тащить несколько часов большой не смогу. Ожерелье положила в карман платья, которое выбрала для путешествия: максимально закрытое, темное, не привлекающее ко мне внимания.

Когда за окном совсем стемнело, а дом затих, я была уже полностью готова. С замирающим сердцем выскользнула из комнаты, до боли в ушах вслушиваясь в тишину и ловя любой подозрительный звук. Где-то открылась дверь? Или скрипнула половица? Все могло стать поводом бежать обратно, пока меня не поймали с чемоданом в руках.

Но все было тихо. Ни одна лампа не горела, но я уже достаточно хорошо знала дом, чтобы спуститься на первый этаж на ощупь. К тому же глаза мои довольно быстро привыкли к скудному освещению, которое дарила большая круглая луна за окнами.

Дабы не стучать каблуками по мраморным ступеням и полу холла, я несла туфли в руке, прижимая их к груди, и камень неприятно охлаждал ступни сквозь тонкие чулки.

На первом этаже я юркнула к кухне, поскольку там имелся дополнительный выход. К нему некоторые поставщики привозили Галии продукты, что-

бы не тревожить хозяев с парадного входа. Обычно дверь была заперта, но я уже знала, где лежит ключ.

Я была близка к цели, когда кухню внезапно залило тусклым светом нижнего освещения и хрипловатый голос кухарки у меня за спиной удивленно спросил:

— Мира? Куда это ты собралась на ночь глядя?

Мне показалось, что сердце в груди остановилось, а потом разорвалось, из легких вышибло весь воздух, а по спине прокатился ледяной валик. Я поняла, что пропала, и от накатившего ужаса защипало глаза. Я замерла, вставляя ногами в пол. Я была не в силах ни пошевелиться, ни обернуться.

Галия подошла ко мне сама, глухо шаркая тапочками по полу. Обогнула, смешно переваливаясь с боку на бок, заглянула в лицо с тревогой и непониманием. Она была в стареньком застиранном халате, накинутом поверх ночной рубашки, с чепцом на голове, под которым скрывались накрученные на папильотки волосы. Кухарка вопросительно приподняла брови, а я молчала, дрожа всем телом и пытаюсь удержать слезы, и постепенно непонимание на лице Галии сменилось осознанием. И ужасом. Ее взгляд на мгновение метнулся к чемодану и снова вернулся к моему лицу.

— Это что же такое-то, а? Это что же ты удумала, девонька моя? — почти прошептала кухарка. — Это ты... бежать, что ли, собралась? Ты мне это брось! А ну марш обратно в свою комнату — и я никому не скажу, что видела тебя здесь.

Внутри что-то хрустнуло, ломаясь. Словно со стороны я смотрела на то, как роняю чемодан и туфли, падаю на колени и хватаюсь руками за халат Галии. Слезы из глаз все-таки брызнули, и я принялась умолять, захлебываясь ими:

— Галия, миленькая, пожалуйста, позвольте мне уйти. Я не могу здесь оставаться! Ни дня, ни минутки. Мне надо уйти, пожалуйста!

— Ну... ты это... что же ты... да перестань реветь... и с колен подымайся! — растерянно запричитала Галия, хватая меня за плечи. — Вот же... попила молочка перед сном...

В итоге ей удалось усадить меня на стул, после чего она всучила мне стакан холодной воды и чистую салфетку вместо платка.

— Мирочка, что же ты? Все же хорошо у тебя тут! Генерал же тебя не обижал никогда. Работать не заставлял, голодом не морил, подарки дарил, на танцы возил... Чего ж ты от него бежать-то собралась?

— Я не от него, — с трудом выдавила я, продолжая рыдать, сама не понимая почему.

— А от кого же? Это из-за Глена, что ли? — предположила она, поскольку знала, что лакей любит изводить меня грязными намеками, зажимая в углу. Руками, впрочем, никогда не трогал. — Что он тебе опять сказал? Ты его слова всегда дели на сто, девонька, поверь, он тебе ничего не сделает, что бы там его паскудный язык ни мел. Он парень вредный, но не злой. Не от извращенности природы в нем это, девонька, а от болезни. Плохо ему, вот он и огрызается на всех.

— Да дело не в Глене, — наконец снова выдавила я.

— Да в ком же тогда? — всплеснула руками кухарка.

Я закрыла глаза и покачала головой. Если скажу, что ветер нашептал мне, не поверит. А без этого не стоит упоминать Нейба, никто в доме генерала, включая его самого, от управляющего подвоха не ждет.

— Просто поверьте, Галия, мне нельзя здесь оставаться, — уверенно произнесла я, открыв глаза и поймав ее взгляд. — Я не могу сказать всего, но мне грозит опасность. Особенно если сегодня я здесь останусь.

— Дурочка ты, — замахала она на меня руками, — подумай лучше, что тебя ждет, если тебя поймут. Ты же рабыня, девонька. Высекут — это самое малое, что тебе грозит. А коли поймут, что ты наложница, то еще чего похуже сотворят. На тебе же не написано, что ты не порченная, а когда они поймут это, будет уже поздно, сделанного назад не воротишь. Побьют как следует, чтобы молчала, а генералу потом скажут, что такой и нашли — изнасилованной и избитой. И это если к полиции попадешь, а не к мужикам каким. Те и прикарманить могут, как кошель чужой. Ну куда ты пойдешь? Куда ты денешься, девонька?

— В Замбир, — прошптала я, обхватывая себя руками за плечи, чтобы согреться: от слов Галии снова морозом пробрало. — Вы же мне сами говорили, что от Магистра туда бегут.

Кухарка горестно вздохнула и покачала головой.

— Говорила-то я говорила, да как ты туда собралась добраться? У тебя хоть деньги на билет есть? Да какой билет! Ты знаешь, где станция? Туда пешком не дойти...

— Дойти! — возразила я с энтузиазмом. Внутри отчего-то вспыхнула слабая надежда. — Я знаю, как дойти, к утру буду там, самое позднее — к полудню. Денег у меня нет, но есть это.

Я порывисто засунула руку в карман и вытащила ожерелье, протянула его Галии.

— Вот, возьмите его и дайте мне взамен немного денег, пожалуйста! Оно не ворованное, генерал мне

его подарил, сказал, что в крайнем случае я смогу его продать. Вот этот случай настал! Оно дорогое, видите, как переливается? А я прошу за него только денег на билет. Пожалуйста, Галия!

Я посмотрела на нее с мольбой, но Галия только испуганно замахала на меня руками.

— Что ты, Мира, убери это сейчас же! Даже не проси... Если узнают, что я тебе бежать помогла, меня генерал поганой метлой отсюда выметет. Ты иди к себе, я никому не скажу, что я тебя здесь видела. А завтра все будет казаться уже не таким мрачным, сама увидишь.

Руки снова опустились, а по щекам покатились новая порция слез. Я смотрела на ожерелье с отчаянием. В руках такая дорогая вещь, а толку от нее ноль!

— Тогда просто позвольте мне уйти, — тихо попросила я, уже не глядя на кухарку. — Никто не узнает, что вы меня тут видели. Мы ведь могли с вами разминуться. Спустились бы вы на минуту позже, я бы уже ушла. Даже если меня поймут, клянусь могой матерью, никому про вас не скажу.

— Сгинешь ведь, дурочка, — пробормотала Галия с горестным вздохом. — А если и не сгинешь... Генерал-то по тебе тосковать будет, ты хоть понимаешь это?

— Найдет себе другое развлечение, — возразила я, не сумев скрыть боль в голосе. Сейчас мне очень нужно было верить именно в это, иначе решимость рухнет. — В чужих землях девчонок много, на них с Магистром хватит. А мне нельзя оставаться. Я и здесь сгину, а так у меня хотя бы шанс есть.

Галия снова тяжело вздохнула, поцокала языком, еще раз что-то проворчала о том, какая я дурочка, а потом вдруг стремительно повернулась и подошла к одному из шкафов, провернула в замке неизвестно

откуда взявшийся ключ и резким движением открыла дверцу.

— Вот, держи, — тихо велела она, снова подойдя ко мне и протянув руку. — Я потом свои сюда доложу.

В руке были зажаты свернутые банкноты. Я пока плохо разбиралась в варнайских деньгах, но сверток выглядел внушительно. Подняв растерянный взгляд на кухарку, я увидела на ее лице отчаянную решимость.

— Бери-бери, девонька. С деньгами у тебя хоть какие-то шансы есть. Смотришься ты как свободная, чемодан при тебе, а будут деньги — так на тебя полиция и внимания не обратит. Если не будешь задерживаться и повезет с поездами, можешь и успеть доехать до границы, пока тебя начнут серьезно искать. А там уж смотри сама, в этом я тебе не помощник. Побрякушку свою себе оставь, пригодится в Замбуре, коли доберешься.

Я схватила деньги, прижала их к груди, потом торопливо засунула в карман вместе с ожерельем. Вскочила и крепко обняла Галию.

— Спасибо!

— Да что уж... — смущенно отмахнулась та, высвобождаясь из моих объятий. — Что же я, не женщина? Понимаю, что быть рабыней и при хорошем мужике радости мало. А ты, видать, еще чего-то боишься, а значит, все равно сбежишь. Ну так я хоть свою совесть успокоить смогу, что сделала для тебя, что могла. Хорошая ты... Пусть тебя Тмар бережет.

С этими словами она открыла дверь, и я, торопливо вставив ноги в туфли и схватив чемодан, выскочила в теплую летнюю ночь.

Глава 3

Страшно было только в самом начале. Пока особняк генерала не скрылся из вида, я все боялась, что в окнах загорится свет, поднимется шум, после чего меня догонят и вернут назад. А когда я отошла достаточно далеко, стало страшно, потому что теперь я осталась совсем одна.

Но вскоре я пришла к выводу, что раз вокруг ни души, то и бояться некого. Широкая дорога вела в нужном направлении, сбиться с пути и заблудиться мне, скорее всего, не грозило, никакого леса вокруг, стало быть, и никаких варгов или других хищников. Поэтому шагала я бодро, фантазируя о том, как выберусь из Магистрата — и тогда начнется та жизнь, о которой я мечтала. На новом месте, без оков традиций Оринграда, без оков рабства. Я буду много работать и со временем налажу быт, разведу под окнами сад, встречу достойного мужчину...

Правда, в этом месте размышлений мне становилось немного горько. Фантазия уводила меня в воображаемый солнечный день, в котором я протираю витрины своей новой шоколадницы, готовя ее к открытию, но тут звонит колокольчик — и в кафе входит генерал Шелтер. В одном варианте он появлялся

в блеске парадной формы, в другом — одетый как в нашу первую встречу. Но каждый раз я представляла, как он говорит что-то вроде: «Моя война закончена, милая, я пришел за своей наградой. Я пришел за тобой». Это было бы очень в его духе.

Нет, в моем воображении это не значило, что он возвращает меня как беглую рабыню. Наоборот, он оставался со мной. И мы с ним селились в новом доме: таком же красивом, как его особняк, но значительно меньше, с уютным садом. Рядом с нами каким-то образом оказывались и добрая Галия, и старик Юнт, и славная Мария, и веселый капитан Моран, и даже Анна Кроули с детьми. Я была готова взять с собой в эту фантазию и госпожу Холт, Мэла, Морроу. И обязательно волшебный мотоцикл генерала. И, может быть, мы все поселимся где-то у моря, где по утрам так же кричат чайки и шумит порт, как в моем детстве... И у нас с Шелтером обязательно родятся двое детей: мальчик, похожий на него, и девочка, похожая на мою маму.

Какое-то время радужные мысли помогали мне не бояться пустой тихой темноты вокруг, бодро шагать и не скучать, но постепенно я стала выдыхаться. От непривычно долгой ходьбы туфли начали натирать ноги, скромных размеров чемодан с каждым шагом весил все больше. Я пару раз останавливалась, ставила его на землю и садилась сверху, чтобы перевести дыхание, но в первый долго не усидела, боясь, что каждая минута простоя может стоить мне свободы, а во второй едва не уснула, после чего твердо решила больше так не делать.

Я шла и шла вперед. Туда, где уже светлело небо и виднелись очертания города. Мне оставалось добраться до него, пройти насквозь, потом пройти еще

немного — и там будет станция. Я повторяла это про себя снова и снова, игнорируя боль в стертой ноге, перекладывая из руки в руку чемодан и отчаянно желая только одного: остановиться, лечь прямо на землю и уснуть. А город с каждым моим шагом как будто отодвигался немного дальше, и от несправедливости снова хотелось плакать. Потом я и вовсе заподозрила, что это не город отодвигается, а я топчусь на месте.

Когда из-за горизонта выполз краешек солнца, я вдруг очень отчетливо поняла, что переоценила свои силы. Мне не добраться до станции. Я валилась с ног от усталости, проголодалась, дремала прямо на ходу, каждое движение требовало от меня невероятных усилий, но почти не приближало к цели. Я больше не могла поддерживать себя фантазиями, мысли в голове превратились в нечто среднее между кашей и киселем, проносились отрывками образов как сновидения.

Я поймала себя на том, что вспоминаю поездку с генералом на мотоцикле. Ощущение стремительного полета, скорость, ветер в ушах, рев мотора... Вот бы его сюда — я бы мигом домчалась до станции.

Потом я поняла, что рев мотора мне не вспоминается и не снится, а слышится. Здесь и сейчас. Я остановилась и медленно обернулась. Очень медленно, словно нехотя, потому что мне действительно совершенно не хотелось встречаться лицом к лицу с неприглядной истиной: я пропустила приближение опасности.

Повозка уже была видна, а значит, тем, кто внутри, хорошо была видна я. Беспомощно оглянувшись по сторонам, я поняла, что бежать некуда. Поле тянулось до горизонта справа и до кромки далекого леса слева. А по дороге не уйти: повозка на двигателе всяк едет быстрее.

Но сдаваться Нейбу — а я почему-то не сомневалась, что в повозке меня догоняет именно управляющий — я не желала. В отчаянии свернула с дороги и бросилась бежать через поле к лесу, хотя понимала, что это не спасет. Почти сразу пришлось бросить чемодан, а мгновения спустя я услышала резкий окрик:

— Стоять!

И следом что-то громыхнуло. Так грозно и так громко, что я не смогла определить, откуда взялся такой звук. Подумать оказалось некогда: за звуком удара по земле прокатилась дрожь, а стоило мне почувствовать ее, я замерла на месте. Как будто кто-то крепко схватил меня за лодыжки, удерживая на месте, а я вся — окаменела. Даже дышать стало трудно.

Застыв как статуя, я обессиленно ждала, не имея возможности оглянуться, пока господин Нейб не появился в поле моего зрения. А следом за ним меня обошел и Глен, который выглядел еще бледнее обычного. Он держал в руках мой чемодан.

— Так-так-так, — протянул управляющий, вставая прямо напротив меня и складывая руки на трости. — И куда же мы бежим, а?

Я смотрела на него с ужасом и безысходностью, понимая, что попытка провалилась и теперь меня не ждет ничего хорошего. Вероятно, порка, избиение и изнасилование, которыми пугала Галия, еще покажутся цветочками.

— Что, язык проглотила? — повысив голос, спросил Нейб. — Не прикидывайся, эта штука только лишает возможности двигаться, но не говорить.

Сообщая это, он приподнял трость. Заметив мое недоумение, милостиво пояснил:

— В том, чтобы работать на мага-стихийника, есть свои плюсы. К работе прилагаются артефакты, заря-

женные магией хозяина. И это не все, что умеет моя трость. Так что отвечай, дрянь, на кого ты работаешь и что вы задумали?

От такого поворота допроса я окончательно потеряла дар речи без всякой магии. О чем он вообще говорит?

Нейб демонстративно приподнял трость, явно собираясь пустить ее в ход снова, и я испуганно выпалила:

— Ни на кого!

— Ответ предсказуемый, но неверный, — процедил управляющий сквозь зубы. — Глен.

Он не сказал больше ни слова, но лакею этого и не требовалось: он проворно расстегнул мой чемодан и просто высыпал все содержимое на землю. Нейб поворошил одежду тростью: платья, белье, чулки — все раскидал по сторонам, словно искал что-то. Но не нашел.

Я стиснула зубы от досады и обиды. Конечно, я отобрала для побега самые любимые и самые удобные из имеющихся у меня вещей.

— Значит, сама ничего с собой не взяла, — констатировал Нейб. — Или оно не в чемодане.

Он шагнул ближе и засунул руку мне в карман. Сначала в один, потом в другой. Из второго и вытащил ожерелье и деньги.

— Сувенир на память, надо полагать? — усмехнулся издевательски, перекладывая найденное себе в карман. — А откуда столько денег? Снова скажешь, что ни на кого не работаешь? Кто их тебе дал тогда?

Я промолчала, поскольку поклялась Галии не выдавать ее. Управляющий долго сверлил меня взглядом, но, так и не дождавшись ответа, скользнул им ниже.

— Может быть, у тебя еще что-то припрятано, а?

Он потянулся рукой к пуговицам платья. Оно застегивалось под самое горло и расстегивалось почти до пояса, поэтому его было очень удобно надевать и снимать. Нейб принялся расстегивать пуговицу за пуговицей, внимательно следя за моей реакцией.

А что я могла сделать? Не то что его руку оттолкнуть, а даже собственные сжать в кулаки не получалось. Я смогла лишь закусить губу и опустить глаза, тяжело дыша. Было мерзко, обидно и страшно.

Расстегнув все пуговицы, Нейб обшарил мою грудь в поисках чего-то, спрятанного за пазухой или в нижнем белье. К счастью, из-за онемения я почти не чувствовала его прикосновений, а потому, закрыв глаза, смогла достаточно дистанцироваться от происходящего.

— Опять ничего. Значит, что-то должны были забрать твои сообщники. Что это? Зачем они приходили?

Он грубо схватил меня за подбородок и поднял голову, пытаясь поймать взгляд, но я только крепче сжала веки, окончательно переставая понимать происходящее.

— Молчишь? Ладно, разберемся с тобой дома. Сам генерал Шелтер и разберется. Глен, тащи ее к машине.

Отдав приказ, управляющий первым поковылял обратно к повозке. Конечно, не потрудившись застегнуть обратно ряд мелких частых пуговиц.

Глен бросил на землю чемодан, перехватил меня за талию и потащил, как огромную куклу. Мои вещи остались лежать на земле, а по дороге с меня слетели и туфли. К глазам снова подступили слезы, но на этот раз я не позволила им пролиться. Перед Нейбом и Гленом я плакать не хотела.

Глава 4

Оцепенение сошло еще в повозке, но зашевелилась я только тогда, когда впереди показался особняк генерала Шелтера: потянулась дрожащими руками к пуговицам платья. В доме, несмотря на ранний час, повсюду горел свет, а значит, вся прислуга уже разбужена. Похоже, мой побег наделал много шума, чего я никак не ожидала.

Как вообще его обнаружили? Я была уверена, что у меня есть время как минимум до завтрака. И то я сейчас спускалась к нему сама, поэтому меня хватились бы только тогда, когда поняли бы, что я так и не появилась на кухне. Но сейчас было еще слишком рано, обычно в это время не вставала даже Галия. А ведь сначала меня искали бы по дому.

Если только сама Галия меня и не выдала тому же Нейбу, испугавшись последствий своей внезапной доброты. Нет, об этом мне думать не хотелось.

К дому пришлось идти самой по холодным камням лестниц и площадки перед входом. Конечно, за день все разогревалось достаточно сильно, но сейчас, в рассветный час, казалось ледяным.

В холле нас ждали и Морроу, и госпожа Холт, и даже Мария. Галию я заметила не сразу, она пря-

талась в дверном проеме, и по испугу на ее лице я поняла, что это не она меня выдала. Я едва заметно качнула головой, пытаюсь дать ей понять, что про нее я ничего не сказала.

Дворецкий печально хмурился, а экономка стояла в холле с каменным лицом как портрет самой себя, зябко кутаясь в ночной халат.

Никто не проронил ни звука, пока я шла под конвоем Нейба и Глена к широкой главной лестнице.

Меня отвели в комнату, где и заперли. На прощание, уже когда лакей вышел, Нейб повернулся ко мне, самодовольно усмехаясь.

— Я же говорил, что доберусь до тебя. Генерал Шелтер узнает обо всем в ближайшее время. Он сам решит, что с тобой делать.

Заявив это, он вышел из комнаты, тяжело опираясь на трость. А я, стянув с кровати покрывало, закуталась в него, поскольку успела замерзнуть, и забралась с ногами на любимый подоконник. В саду уже вовсю чирикали ранние пташки, становилось все светлее — начинался новый день, но было ощущение, что для меня он не наступит. Я навсегда останусь в безысходности ночной дороги где-то между домом генерала и железнодорожной станцией, на пути к спасению, до которого не добраться.

Я чувствовала себя опустошенной. Столько сил потрачено — и все впустую. Именно этого я боялась когда-то, оставаясь в Оринграде, хотя мечтала уехать. Я боялась провала, боялась, что ничего не получится и мне придется с позором вернуться домой. И вот теперь я пережила этот позор в миниатюре. Только, вероятно, последствия окажутся куда более серьезными. Как там сказала Галия? Самое малое — вы-

секут. Меня пугало не это. Пугало, что ветер велел бежать, а я не смогла. Что теперь меня ждет?

И о чем же все-таки говорил Нейб? О каких-то сообщниках, о чем-то, что они взяли, а могла взять я... Для меня это звучало как бред.

Свет на эту загадку пролила Мария, которая пару часов спустя принесла завтрак. Было видно, что ее обуревают противоречивые эмоции: с одной стороны, она уже привыкла сплетничать со мной, с другой — теперь я вроде как находилась под арестом господина Нейба и со мной не следовало обсуждать происходящее в доме.

Однако желание посплетничать победило.

— Ночью кто-то пробрался в дом, — почти шепотом сообщила она, когда я в третий раз спросила, что случилось, пока меня не было. — Господин Нейб сказал, что это были трое отступников. Ему то ли не спалось, то ли его что-то разбудило, но он поймал их на том, что они шарят по дому. Не знаю, что они искали. Когда их заметили, они поторопились улизнуть.

Я нахмурилась, услышав это. Трое магов-отступников сбежали, столкнувшись с управляющим-калекой, который не владеет магией? Это казалось мне маловероятным. Или они просто успели найти то, за чем пришли, и потому поторопились улизнуть? Что им вообще было нужно?

Следом до меня дошло, что именно поэтому Нейб говорил о моих сообщниках.

— Он что, думает, я связана с ними? — пробормотала вслух, сама того не заметив.

— Согласись, это странное совпадение: ты здесь жила-жила, все было хорошо, а потом вдруг даешь деру... И в эту же ночь кто-то влезает в дом и шарит по нему. Это подозрительно.

Я кивнула. Действительно, это было подозрительно. Я бы даже сказала, что таких совпадений не бывает.

— А их еще кто-нибудь видел? Кроме господина Нейба? — спросила я, сделав глоток кофе. Еда в горло не лезла, но к хорошему утреннему кофе я в доме генерала Шелтера успела пристраститься.

— В смысле? — удивилась Мария. — Не знаю, вроде нет. Он сначала их прогнал, а потом поднял тревогу.

— Вот оно что, — тихо протянула я.

После небольшой паузы Мария громко охнула.

— Ты думаешь, он соврал? Зачем ему это?

Очень хороший вопрос. Зачем? Он с самого начала был негативно ко мне настроен. Думал, что я создам ему проблемы. Генерал ошибся, а я тогда все услышала и поняла правильно: Керам Нейб действительно считает, что я могу помешать ему. Поэтому он и воспользовался моим побегом, чтобы подставить меня. И теперь расскажет Шелтеру, что это я привела в дом отступников, а сама сбежала от греха подальше. Поверит ли ему генерал? Вспомнит ли о том, что рассказала я? Когда на весах окажется мое слово против слова человека, которого он знает дольше и которому по какой-то причине безгранично доверяет, что перевесит? Глупо даже задаваться таким вопросом...

— Мира? — позвала Мария, не дождавшись ответа.

Я уже собиралась поделиться с ней опасениями насчет управляющего (пусть хоть кто-то еще знает!), но вдруг повернулась ручка двери, на пороге комнаты показалась госпожа Холт. Сегодня еще более мрачная и строгая, чем всегда.

— Мария? Что так долго? Тебе не обязательно ждать, когда она поест. Придешь за подносом позже.

Мария испуганно вздрогнула, опустила глаза, быстро присела в книксене и, пробормотав тихое извинение, торопливо ушла.

Госпожа Холт посмотрела на меня. По ее взгляду было невозможно понять, что она думает, но я постаралась выдержать его. Пусть знает, что мне нечего скрывать! Что я ничего не замышляла против хозяина дома, только пыталась вернуть себе свободу.

Так ничего и не сказав, экономка закрыла дверь. В замке дважды повернулся ключ, а я снова осталась наедине с мыслями. И многочисленными вопросами.

Например, как Нейб узнал о моем побеге? Догадался о том, что я задумала, во время нашей дневной стычки и просто ждал? Увидел случайно, как и Галия? Потом разбудил по тревоге дом, разыграл сцену допроса перед Гленом...

Почему он сказал именно про отступников? Было бы проще поверить в то, что он смог спугнуть обычных людей, а не магов. Может быть, для того чтобы Шелтер связал это с нападением в лесу?

Интересно, что станет делать генерал? Явится лично или просто велит наказать меня, не разбираясь? Судя по газетам, Магистрат пока не успел начать новую войну, но уже активно ссорился с еще одним соседом на юге. Вероятно, Шелтер сейчас проводит разведку и разрабатывает стратегию. Вполне может отлучиться на денек, особенно если ему откроет портал маг.

Если приедет, выслушает ли он меня? Или решит заодно исполнить брошенную на прощание угрозу и она станет частью моего наказания? А что потом? Нейбу я мешаю, значит, он хочет избавиться от меня, убрать из дома. Посоветует генералу продать меня другому хозяину? Или сразу в бордель?

Я удивилась тому, с каким безразличием думаю обо всем. Когда я только попала в Магистрат, подобные мысли вызывали у меня панику, граничащую с истерикой, а сейчас... Сейчас я ничего не чувствовала. Устала бояться? Не верила в то, что Шелтер так со мной поступит? Часть меня продолжала думать, что его поведение в последний день было спровоцировано чем-то, имело оправдание или хотя бы объяснение. Мне отчаянно хотелось верить, что генерал испытывает ко мне если не настоящую любовь, то хотя бы какую-то привязанность, которая даст мне время оправдаться.

Надо обратить его внимание на то, что если бы я была заодно с отступниками, то не стала бы бежать пешком, они ведь могли просто забрать меня с собой через портал. И на то, что ничего не пропало... Впрочем, нет, это опасно, Нейб мог что-то и спрятать. Тогда на то, что я просто не знаю ни одного отступника, неоткуда мне их знать!

Я вздохнула, пряча лицо в ладонях. До раздирающей боли в груди хотелось снова увидеть Шелтера. Оказаться в его объятиях и спокойно рассказать обо всех подозрениях, прижимаясь щекой к грубой ткани мундира. Чтобы он терпеливо слушал, утешающе поглаживая по волосам, плечам. Возможно ли это еще? Я не знала.

И не могла найти ответа на главный вопрос: почему ветер так настойчиво велел бежать именно этой ночью? Мог ли шепот обмануть? Получается, что это именно он помог Нейбу оклеветать меня.

Глава 5

Под арестом я провела ровно два дня. Теперь еду мне приносила только госпожа Холт, а пытаться разговорить ее не было никакого смысла. Поэтому я сидела в одиночестве и полной изоляции, не имея ни малейшего понятия, что происходит за стенами моей «тюрьмы». Даже погулять меня не выпускали.

Время тянулось невыносимо медленно. Я металась по комнате и нервно грызла ногти, после чего часами сидела на подоконнике, глядя на сад, ничего не чувствуя и не желая двигаться, только крутила в голове одни и те же мысли.

Вечером я подолгу лежала без сна. Поэтому, когда на вторую ночь из приоткрытого по причине постоянной жары окна донеслось эхо тарактения повозки, я его сразу слышала. Меня подкинуло на кровати, все следы сонливости моментально слетели, стоило сердцу взволнованно удариться о грудную клетку.

Из моих окон площадку перед домом не было видно, но в ночной тишине я слышала приглушенные мужские голоса и поняла, что генерал все-таки предпочел приехать и разобраться в произошедшем лично. Только я не знала, хорошо это или плохо.

Голоса довольно быстро растворились в тишине: видимо, Шелтер и встретивший его Нейб (или Морроу?) не стали задерживаться на улице, сразу прошли в дом. Я тревожно оглянулась, посмотрела на дверь, ожидая, что она вот-вот откроется. В комнате горела лишь прикроватная лампа, которую я зажгла, выскакивая из постели, но ее света хватало, чтобы уверенно видеть ручку. Та не шевелилась.

«Нейб рассказывает ему свою версию событий», — с ужасом и отчаянием осознала я. Вот почему Шелтер так долго не идет. Сейчас управляющий его убедит, и мне даже рта не дадут раскрыть. Понять-то я это поняла, но сделать ничего не могла: дверь закрыта, мне не выйти и никак не перехватить генерала. Оставалось только стоять у окна и безропотно ждать своей участи.

Наконец в коридоре послышались шаги. Стремительные и уверенные. Они стихли у самой двери, и мне показалось, что между этим событием и поворотом ключа в замке прошла целая вечность, хотя, возможно, на самом деле — пол-удара сердца.

Дверь открылась, вошел генерал. В повседневной форме, с каменным лицом и ничего не выражающим взглядом. Спокойно закрыв за собой дверь, он сделал несколько шагов ко мне и остановился примерно на середине комнаты, сцепив руки за спиной.

— Я слушаю, — тяжело уронил Шелтер, сверля меня ледяным взглядом.

— Что? — хрипло уточнила я, слишком подавленная его грозным видом и уже не ожидавшая, что мне дадут высказаться.

— Что ты можешь рассказать мне о случившемся. Почему решила сбежать? Где взяла деньги?

Я растерялась, поскольку готовилась отвечать на совсем другие вопросы. Шелтер сделал еще пару шагов, сокращая расстояние между нами. Отступить было некуда: за моей спиной находилось лишь раскрытое окно, а нырять в него вниз головой совершенно не хотелось. Поэтому я попыталась скользнуть в сторону, но поняла, что сделала только хуже: теперь за моей спиной была стена.

— Генерал Шелтер, клянусь вам, я не замышляла против вас ничего дурного, — выпалила, просто чтобы не молчать. Ведь на его вопросы положено отвечать. — Не вступала в сговор с отступниками или с кем-то еще. Я ничего не знаю о проникновении в ваш дом, если оно вообще произошло.

— Разве я спросил тебя о сговоре, отступниках и проникновении в мой дом? — новый вопрос он почти прорычал, тихо и угрожающе. Расстояние снова сократилось. — Почему ты решила сбежать?

Еще несколько его шагов, и я попаду в ловушку. Ища выход из ситуации, я скользнула взглядом вдоль стены, просчитывая, успею ли добраться до ванной комнаты. Глупая затея, конечно. Уж если Нейб смог заставить меня окаменеть артефактом, то самому Шелтеру это и вовсе не составит труда. Да даже если добегу... Разве остановит его такая дверь?

Узнать наверняка я не успела. Едва подумала о маневре, как Шелтер сыграл на опережение: в два шага оказался рядом, на расстоянии вытянутой руки. Почему-то только теперь я вспомнила, что на мне одна лишь ночная сорочка, которая скрывает меньше, чем демонстрирует.

Я выставила перед собой руки как последнюю надежду остановить генерала, но он грубо перехватил их за запястья и прижал к стене чуть выше моей

головы, вдруг подойдя почти вплотную. Меня вновь окутало его запахом и теплом, но сейчас такая близость скорее пугала. Потому что вблизи стало видно: Шелтер едва сдерживает рвущуюся наружу ярость. Он тяжело дышал, темные глаза сверкали молниями, зубы стискивались, а губы сжимались в тонкую линию.

— Что, настолько была противна мысль оказаться в моей постели, когда вернусь? — спросил Шелтер тихо и хрипло.

Его лицо замерло в нескольких сантиметрах от моего, прерывистое дыхание обожгло кожу, и на мгновение мне стало по-настоящему страшно. Показалось, что сейчас он просто переломит меня, свернет шею или порвет в клочья. От злости.

Но когда Шелтер заговорил снова, страх резко схлынул, как откатывается назад только что набежавшая на берег волна:

— Что тебе еще от меня нужно, а? Я готов был дать тебе все, что мужчина может дать женщине: красивый дом, чудесный сад, платья, украшения, развлечения... Стабильность, покой, защиту. Делай что хочешь, живи так, как нравится. Пальцем ведь тебя не тронул, был готов ждать, пока ты привыкнешь, созреешь, увлечешься... Я ведь не старик, не урод, не извращенец, тебе было бы хорошо со мной. Тебе этого мало? Обязательно нужна свобода? Официальный брак? Не могу я их тебе дать, понимаешь? Не в моей власти. Я же не Магистр... Это не повод бежать в никуда. Ты вообще представляешь, что с тобой сделали бы, если бы поймали? Я уже не смог бы тебя защитить, бестолочь ты неблагодарная.

У меня перехватило дыхание: столько горечи слышалось в его словах. Горечи и обиды, а еще немно-

го — ужаса. Кажется, об отступниках он совсем не думал.

— А теперь я должен наказать тебя, понимаешь? Выволочь из комнаты и выпороть так, чтобы все видели. И заодно того, кто тебе помог. Где ты взяла деньги? Кто их тебе дал?

— Никто, — выдохнула я с трудом, только сейчас замечая, что меня колотит крупной дрожью.

— Тогда откуда они у тебя?

— Сама взяла!

— О, значит, ты еще и воровка... Прекрасно! Ты вообще не осознаешь, девочка, в какое положение меня поставила. Что теперь прикажешь мне делать? Наказать всех слуг в доме? Назначить кого-то одного? Или выпороть тебя, а потом отправить на каторгу за воровство? Знаешь, что с тобой там сделают охранники? Будешь жалеть, что не в бордель попала.

Снова каждое слово било наотмашь. Еще хуже становилось из-за того, что генералу самому было больно их произносить, сегодня я это чувствовала. Он гораздо лучше меня понимал перспективы. А запястья уже ныли так, что становилось понятно: останутся синяки. Но это, судя по всему, сейчас было самой маленькой из моих проблем.

Я резко втянула воздух, шмыгая носом, чувствуя, как слезы наворачиваются на глаза то ли от боли, то ли от страха, то ли от обиды. Но все же смогла не разреветься, а выдавить:

— Делайте все, что должны, господин генерал, но я повторю: деньги взяла сама. Да, я воровка. Воровка и беглая рабыня. Только, пожалуйста, не думайте, что я от вас бежала. Я другого боялась.

Жесткая хватка в одну секунду ослабла, Шелтер выпустил мои запястья, но не отодвинулся ни на

сантиметр, его ладони просто уперлись в стену по обе стороны от меня. Я опустила руки, обхватывая себя за плечи, одновременно пытаюсь прикрыться и утешиться. Шелтер продолжал прожигать меня холодным взглядом, но его дыхание постепенно успокаивалось.

— А если бы созналась, — произнес он неожиданно ровно, — отделалась бы только поркой. Не реви, милая. Все это случилось бы, только если бы тебя поймали. Скажи спасибо Нейбу: он вовремя тебя вернул. Если бы ты попалась полиции, я бы ничего не смог сделать. Особенно если бы ты заявила им, что украла деньги. Закон есть закон, никто не посмотрел бы, что ты моя награда. Тебя у меня забрали бы.

Я недоуменно посмотрела на него: на едва заметную горькую усмешку на губах, тревожную складку на лбу. Поймала неожиданно усталый взгляд, торопливо вытерла глаза и снова шмыгнула носом.

— Значит, вы не будете меня наказывать?

— Не буду. В моем доме никто этого не ждет, а никто чужой не узнает. Галии я передам, что ты ее не выдала. Полагаю, она тебя еще больше любить станет. Между прочим, она сразу прибежала виниться, что сама тебе денег дала, я едва в двери войти успел.

— То есть вы не думаете, что я вступила с кем-то в сговор против вас?

Его усмешка стала более заметной и менее горькой, складка на лбу разгладилась.

— Прости, милая, — вздохнул Шелтер, — но на коварную шпионку ты не тянешь. Керам просто очень мнительный. И плохо тебя знает.

Я сомневалась, что дело в этом, но сейчас у меня просто не хватило бы сил спорить. Дрожь постепенно отпускала, но одновременно все тело становилось

ватным. Мне казалось, что вот-вот я сложусь пополам, как тряпичная кукла. Сейчас меня держал лишь взгляд Шелтера, в котором окончательно исчезли молнии, зато вновь разгорелся огонь, который генерал даже не пытался скрыть. Усталость отступила на второй план, но никуда не делась.

— И вы не... — я смущенно осеклась, не зная, как спросить о главном. — Вы не будете... то, что обещали...

— Насиловать тебя в духе Магистра? — холодно уточнил он. Но тут же его тон смягчился: — Мира, если бы я действительно собирался, я бы это сделал еще перед отъездом. Никто никуда меня не вызывал. Просто я ляпнул сгоряча, а потом от греха подальше уехал в свой столичный дом, там и провел последний день отпуска.

— Но почему?

Он вздохнул, оттолкнулся от стены и отступил на шаг назад, восстанавливая между нами дистанцию. Его взгляд на мгновение скользнул вниз, но тут же вернулся к моему лицу.

— Потому что меня тоже можно обидеть, милая. Особенно если назвать подлецом и мерзавцем и заявить, что тебе было бы лучше у Магистра.

Я не выдержала, опустила глаза. В его тоне и сейчас прозвучала обида. Видимо, в тот день я ее не заметила, слишком глубоко погрузившись в собственную боль.

— Простите, это было несправедливо с моей стороны, — пробормотала я. — На самом деле я так не думаю.

— Неужели?

Я снова вскинула голову и посмотрела на него, глаза в глаза.

— Генерал Шелтер, я, безусловно, не так умна и образованна, как вы, и порой веду себя глупо, но я не совсем уж дура. Я прекрасно осознаю, что мне следует каждый день благодарить Тмара за то, что во всей этой ситуации, в которой я оказалась, мне повстречались вы. И я благодарна, действительно благодарна.

— Благодарна... — повторил он за мной с ноткой разочарования в голосе. — Хороша благодарность.

Его голос прозвучал ровно, но я откуда-то знала, что Шелтер не испытывает и половины того спокойствия, какое пытается продемонстрировать. Истинное состояние отражалось в его глазах: разочарование переплеталось с волнением. Или мне только так казалось?

— Просто я почувствовала себя преданной, — попыталась объяснить я. Голос прозвучал жалко и тихо.

— Из-за того, что я не остановил Винта, — скорее констатировал, чем уточнил он, но я на всякий случай кивнула, добавив:

— И из-за того, что вы сказали ему, когда я вышла...

— Мира, никогда не слушай, что я говорю другим, — быстро и резко перебил Шелтер. — Пойми, мое положение накладывает на меня некоторые... ограничения. Иногда я вынужден вести себя так, как того ожидают окружающие, это не всегда зависит от моего настоящего мнения или желания. Или того, как я на самом деле чувствую. Я не могу тебе сейчас объяснить, почему так. Просто прими как данность, что существует ряд обстоятельств, с которыми мне приходится считаться. Это не оправдывает меня, понимаю. И мне очень жаль, что тебе пришлось пройти через это. Но если бы ты дала мне объяснить...

Он вдруг осекся, вздохнул и покачал головой, глядя на меня.